

**Имя прилагательное в говоре казаков-некрасовцев:
семантика, прагматика, словообразование**

Баранова Евгения Сергеевна

Магистрант Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

В говоре казаков – некрасовцев имя прилагательное, наравне с именами существительными и глаголами, составляет значительную часть лексики, которая наиболее полно представлена в «Словаре говора казаков – некрасовцев» О.К. Сердюковой. В данном словаре нами было выделено всего 369 имён прилагательных, из которых 70 слов входят в состав фразеологизмов, 23 слова являются субстантивированными прилагательными.

Все имена прилагательные были распределены на две лексико-тематические группы: «Абстрактные отношения и формы существования материи» и «Материальный мир». Внутри каждой группы были выделены лексико-тематические подгруппы. Самыми многочисленными из лексико-тематической группы «Материальный мир» являются лексико-тематические подгруппы, характеризующие «Человека как живое существо» (69 слов) и «Человека как разумное существо» (103 слова).

В целом имена прилагательные всех лексико-тематических подгрупп по своему происхождению представлены лексикой собственно говора. Однако необходимо отметить, что в говоре присутствуют новообразования на базе заимствованной основы из турецкого языка (например, *туряной* – «сделанный из конопляной нити, туры» от турецкого *tora*).

Из специфических семантических характеристик имён прилагательных всех лексико-тематических подгрупп необходимо отметить:

1) явления синонимии: *сбитый* в значении «сфотографированный» – *посбитый* в значении «сфотографированный» (полные синонимы);

2) явления антонимии: *немой* в значении «молчаливый» – *разговорчивый* в значении «разговорчивый»;

3) явления многозначности, основанной на метонимических, метафорических и ассоциативных связях. Например, метонимический перенос «свойство животного – свойство артефакта»: *свойский* 1. Домашний (о животных, птице). 2. Садовый (о деревьях, о цветах). Для общенационального языка/речи характерна подобная метонимия: (ср. *дикая* собака – *дикая* рябина);

4) возникновение диалектных значений на базе семантики общерусских слов: диалектное прилагательное *чукавый* – «капризный», очевидно, возникло в результате метафорического переноса (сходство поведения, производимого впечатления) на базе семантики общенационального слова *чукавый* – «смешливый, догадливый, хитрый» [Даль: 614].

Мотивированные имена прилагательные всех лексико-тематических подгрупп образованы суффиксальным (данный способ преобладает), префиксальным и префиксально-суффиксальным способами образования, также присутствуют способ сложения основ и субстантивация. Мотивирующая база субстантивная, отглагольная, адъективная, редко адвербиальная. Все способы словообразования, словообразовательные значения, модели представлены в русском национальном языке.

Из распространённых словообразовательных моделей следует отметить:

1) модель со значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: S + формант –н: *летний, пирожный, пчельной, рубашный*, образованные соответственно от слов национального языка: *лето, пирог, пчела, рубаха*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке [РГ–80: 617].

2) модель со значением «отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом»: формант не– + Adj: *неславный, недобрый*,

имеющие в качестве мотивирующих слова национального языка: *славный, добрый*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке [РГ–80: 697].

3) модель со значением «неспособный совершить действие, названное мотивирующим словом, или подвергнуться этому действию»: формант не– + V + формант –им: *нещадимый* – «беспощадный, безжалостный» (от слова национального языка: *щадить*). Данная модель является продуктивной в современном русском языке [РГ–80: 745].

Способ субстантивации представлен целым рядом прилагательных: *крестовый, неверный, паевая, обезьяний, подснежный, судновая, початный, весновое, осоковый* и др.

Многочисленна в говоре казаков – некрасовцев группа фразеологизмов на основе имён прилагательных, словообразовательная специфика которых такова: преобладает модель «прилагательное + существительное», редко «прилагательное + глагол»: *коренной дом, мотучие рукава, ходить открытной, в лиховую звонить*.

Таким образом, номинативные приоритеты казаков – некрасовцев таковы: в лексико-тематической подгруппе «Человек как живое существо» встречаются следующие разряды наименований: характеристика внешности человека, одежды, его здоровья, возраста, гендера, жилища, предметов питания; в лексико-тематической подгруппе «Человек как разумное существо» встречаются такие разряды наименований: ощущения и восприятия, эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния человека, его чувства и эмоции, интеллектуальные действия и состояния, душевный склад человека, его деятельность и поведение.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995.

Русская грамматика: Т. 1 // АН СССР. М., 1982.

Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

Типы употребления форм императива диалектных глаголов (на материале русских говоров Мордовии)

Волгина Елена Викторовна

*Студентка Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Императивные предложения используются в речи человека с целью побудить кого-либо к совершению действия. Императив достаточно хорошо исследован на материале глагольной лексики общенародного языка: выявлена его парадигма, значения каждой императивной формы, ее функции в речи.

Данная работа нацелена на анализ императивных форм глаголов в диалектах, функционирующих на территории Мордовии. Основные задачи работы заключались в том, чтобы, во-первых, охарактеризовать глагольные формы с семантикой побуждения к действию, функционирующие в русских говорах Мордовии, в сравнении с императивными формами глаголов общенародной лексики; во-вторых, выявить семантику и особенности употребления форм императива диалектных глаголов; в-третьих, произвести количественно-статистическую обработку полученного материала, определив степень употребительности тех или иных форм императива. Кроме того, ставилась задача проанализировать конструкции с семантикой прохибитива и превентива.

В результате проведенного исследования сделаны выводы о том, что в русских говорах Мордовии формы глагольного императива используются так же, как и в общенародном языке, для выражения волеизъявления говорящего, побуждения кого-либо к совершению того или иного действия.

Диалектные императивные глаголы имеют следующие грамматические формы:

(1) Синтетическая форма повелительного наклонения 2-го лица ед. и мн. числа: *Вареники балка́й (мака́й) ф смитану; Дъшиба́йти (допива́йте) квас, четверть вымью.*

(2) Аналитические формы повелительного наклонения, в структуру которых входят отглагольные частицы «пусть», «пускай», «пушай», «дай», «давай», «давайте». Имеются в виду: а) форма глагольного императива 1-го лица ед. числа, употребляемая там, где говорящий побуждает слушающего не мешать ему (т.е. говорящему) выполнять определенное действие; б) форма глагольного императива 1-го лица мн. числа, используемая в тех случаях, когда говорящий приглашает слушающего к совместному совершению действия; в) форма глагольного императива 3-го лица ед. числа, встречающаяся там, где говорящий передаёт косвенное побуждение к действию (через слушающего), адресованное 3-му лицу; г) форма глагольного императива 3-го лица мн. числа, используемая для передачи ситуации, когда говорящий побуждает к совершению действия лиц, не участвующих в акте речи.

Частота использования диалектных императивных форм в «Словаре русских говоров на территории Мордовии» убывает в следующем направлении: форма 2-го лица ед. числа (более 100 единиц); форма 3-го лица ед. числа (около 30 единиц); форма 1-го лица мн. числа (9 единиц); форма 3-го лица мн. числа (7 единиц); форма 2-го лица мн. числа (6 единиц).

По способу образования форм повелительного наклонения диалектные глаголы обнаруживают определенные различия. Форма императива может быть образована либо только аналитическим способом, либо двояко – аналитическим и синтетическим способами.

Формы повелительного наклонения диалектных глаголов характеризуются многообразием оттенков значения:

Семантика приказа: *Лижы, ни бзыкьйси (ф.2л., ед.ч. не мечись / не двигай беспокойно ногами).* Во всех таких высказываниях говорящий в резкой форме требует от слушающего что-то сделать (или, наоборот, не делать).

Семантика требования проявляется в тех предложениях, где содержится пояснение говорящего к своему требованию: *Пиридай Вальки, пусть боли наги ни накладывьт, уш больнь язык долгьй (ф. 3л., ед.ч. пусть не приходит больше, потому что...).* Из окружающего контекста становится понятно, почему нужно сделать именно так, как настаивает говорящий. Конструкции с подобным значением можно преобразовать в СПП с придаточным причины (... потому что): *Пиридай Вальки, пусть боли наги ни накладывьт, уш больнь язык долгьй – Передай Вальке, пусть больше не приходит, потому что уж слишком язык у неё длинный.*

Семантика совета в диалектном императиве характеризуется наличием возможного положительного результата в интересах того, кто будет выполнять действие, то есть предполагается плодотворный исход событий. Например (подчёркнутая часть предложения – возможный положительный результат): *А тыдохни приседатилю, можьт, поможьт (ф.2л., ед.ч. намекни).* Конструкции с такой семантикой можно преобразовать в СПП с придаточной условия (если... то...): *Дюбнитти вы немногь, и теплей станит – Если вы выпьете немного, то станет теплей.*

Семантика просьбы: *Бьсаби мне дравец пьтаскать (ф.2л., ед.ч. помоги мне).* Контекст указывает на то, что действие выполняется в интересах говорящего, результат очень важен для него, поэтому во всех предложениях имеется форма косвенного падежа для местоимения я (*мне, меня и т.п.*).

Прохибитивные формы диалектного императива, которые строятся по модели «отрицательная частица НЕ + императив глагола в форме НСВ», по семантике, как и в общенародном языке, распадаются на 2 типа: 1) формы со значением запрета на действие, которое уже осуществляется в момент речи: *Ни дерабьй (ф.2л., ед.ч. не*

царапай) меня, брысь! 2) формы со значением запрета на действие, которое должно осуществиться после момента речи: *Долгъ смитану в дѣйнике ни даржы* (ф.2л., ед.ч. *не храни*).

Превентивные формы (предостерегательные) императива, которые строятся по модели «отрицательная частица НЕ + императив глагола в форме СВ», в обследованном материале не обнаружены.

Диалектные формы повелительного наклонения по многим критериям сходны с общенародными глагольными императивами. Аналогия обнаруживается в разных аспектах – в частоте использования (ф. 2-го лица ед. числа – основная), способах образования, в широком спектре оттенков значения. Различия с общенародным языком прослеживаются лишь в образовании форм 1-го лица ед. числа (в диалектах возможен только аналитический способ) и в отсутствии в диалектах превентивных конструкций.

Семантические группы устойчивых сравнений в русских говорах Мордовии

Горина Наталья Николаевна

*Студентка Мордовского государственного педагогического института
имени М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия*

Описание семантических групп устойчивых сравнений представляет интерес не только собственно лингвистический, но и социально-лингвистический. Уже сам отбор предметов и явлений-образов, осуществлявшийся на протяжении веков и закреплявшийся из поколения в поколение в языке, раскрывает многие стороны исторического развития народа, его национальной культуры, духовного склада и мирозерцания.

Мы придерживаемся следующего определения устойчивых компаративных структур. Устойчивые компаративные структуры – «разложимые на значимые элементы воспроизводимые единицы языка, компоненты которых характеризуются компаративными взаимоотношениями, определяющими целостное компаративно-образное значение». [Огольцев: V].

Анализируемый материал, извлеченный из Фразеологического словаря русских говоров Республики Мордовия Р.В.Семенковой, мы разделили на следующие семантические группы:

- 1) устойчивые сравнения, характеризующие внешность человека;
- 2) устойчивые сравнения, обозначающие психическое состояние человека;
- 3) устойчивые сравнения, характеризующие физическое состояние человека;
- 4) устойчивые сравнения, характеризующие деятельность, способности, отношения;
- 5) устойчивые сравнения, характеризующие внутренние качества, характер и поведение.

К устойчивым сравнениям, характеризующим внешность человека, мы отнесли следующие фразеологизмы: *как палая кошка* – о худой, изнеможенной женщине; *как плешка* – об очень худой женщине; *как окшанка* – о неопрятной женщине; *как шест проглотнул* – держится неестественно прямо. В данной группе устойчивых сравнений чаще всего наблюдается характеристика человека по его общему виду или манере одеваться. Подавляющее большинство устойчивых сравнений характеризует человека по его фигуре или осанке, а также манере одеваться.

В группу, характеризующую психическое состояние человека, мы включили следующие устойчивые сравнения: *как подчуденный* – о человеке, находящемся в состоянии психической неуравновешенности; *как ошляй* – подавленный чем-либо, удрученный; *как овца промеж волков* – о состоянии крайнего беспокойства, испуга. Устойчивые сравнения данной группы дают характеристику психологического состояния человека. Чаще всего встречаются устойчивые сравнения, обозначающие

настроение, также частотны фразеологизмы, дающие характеристику внутренних качеств человека.

К устойчивым сравнениям, характеризующим физическое состояние человека, мы отнесли следующие: *как мяльцы пропустили* – кто-либо испытывает сильную усталость, слабость, недомогание; *как стомовой* – не меняющий своего положения, неподвижный; *как варом сварили* – кто-либо внезапно заболел, кто-либо быстро уснул. Данная группа включает в себя устойчивые сравнения, характеризующие степень опьянения человека, а также его здоровье.

В группе устойчивых сравнений, характеризующих деятельность, способности, отношения, можно выделить следующие подгруппы:

1) устойчивые сравнения, характеризующие деятельность: *как плутка сирая* – о женщине, которая ходит без дела, без цели; *как стяг* (спать, лежать) – ничего не делая; *ходить как славушка* – ходить без дела, без цели.

2) устойчивые сравнения, характеризующие отношение к материальным ценностям, их обладание/необладание: *мотаться как моты* – жить в нищете; *как палкой шибить* – получить неожиданно какую-либо прибыль; *как барыня в раю* – в полном достатке (жить); *как в сад сесть* – быстро освоиться, приспособиться к чему-либо.

3) устойчивые сравнения со значением речевой характеристики: *как оглашенный* – молчаливый, неразговорчивый; *как оловом облить* – сказать, заявить с чувством ответственности; *как пулей стрелять* – произносить обидные, оскорбительные слова.

4) устойчивые сравнения, характеризующие человека по родственным отношениям и семейному положению: *как горькая осина* – об одиноком, не имеющем семьи человеке; *как порох в глазе* – о ком-либо очень близком, дорогом; *как соломина в глазу* – только один, единственный.

5) устойчивые сравнения, характеризующие умственные способности, например, *как миша пуеткин* – о тупом, умственно ограниченном человеке.

Данная группа устойчивых сравнений охватывает различные аспекты жизни человека, его взаимоотношения с другими людьми, с окружающей действительностью. Эти аспекты позволяют дать человеку более глубокую и разностороннюю характеристику как представителю определенной социальной среды. В данной группе преобладают устойчивые сравнения, характеризующие какую-либо деятельность или действие человека, которые имеют чаще всего негативную семантику. Представлены также устойчивые сравнения, негативно характеризующие человека по скорости мыслительного процесса и объему знаний. Имеются устойчивые сравнения, характеризующие человека по родственным отношениям.

К устойчивым сравнениям, характеризующим внутренние качества, характер и поведение, относятся следующие: *пристать как тенето* – надоесть просьбами, расспросами; *как из земли рыть* – уметь ловко наживаться; *как оса в руках* – о привычке постоянно перебирать, теревить что-либо; *как пыль* – вспыльчивый, раздражительный. Данная группа устойчивых сравнений в основном включает в себя фразеологизмы, дающие негативную характеристику человека.

Таким образом, описание устойчивых сравнений, которые встречаются в русских говорах на территории Мордовии, показало то, что они довольно разнообразны как по компаративным значениям, так и по экспрессивно-эмоциональным оттенкам. Самыми многочисленными оказались устойчивые сравнения, характеризующие состояние человека. Скорее всего, это связано с системой «образов-эталонов», запечатленных в сознании носителя говора, а выражения этих типов служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и ее оценивания в этих образах.

Литература

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М., 2010.

Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия / Р.В. Семенкова. Саранск, 2007.

Лексико-тематические, словообразовательно-мотивационные классы глаголов в говоре казаков-некрасовцев

Дегальцев Дмитрий Альбертович

Студент Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

В Словаре казаков-некрасовцев (1) в ходе исследования лексико-тематических, словообразовательно-мотивационных классов глаголов в говоре казаков-некрасовцев мы выявили два обширных класса: 1) «Абстрактные отношения и формы существования материи»; 2) «Материальный мир».

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи» (всего 79 слов) дифференцируется на группы: 1) «Существование, бытие» (8 слов), 2) «Пространство» (14 слов), 3) «Форма» (2 слова), 4) «Время» (8 слов), 5) «Изменение» (12 слов), 6) «Движение» (22 слова), 7) «Количество» (2 слова), 8) «Качество» (2 слова), 9) «Порядок» (5 слов), 10) «Причинность» (4 слова).

В этом классе нами были отмечены специфические семантические характеристики. Это явления:

1) синонимии. Например, *отрятовать* – *отпечаловать* в значении «спасти, вылечить» (полные синонимы);

2) многозначности, основанной на метонимических, метафорических, ассоциативных связях. Например: а) *Крутнуться* 1) однокр. к крутиться; 2) перен. быстро отойти; б) *Зачинуть* 1. Начать. 2. Стать (в составе сост. глаг. сказ).

3) возникновение диалектных значений на базе семантики общерусских слов путем метонимии. Например, *выйтить* 1. Выйти. 2. Появиться.

В словообразовательной системе данного класса наиболее развит префиксальный и префиксально-суффиксальный способ; постфиксация охватывает меньшее количество территориально-ограниченных единиц. Примеры: 1) глагол *Утушивать* – «утолять боль» образован префиксально-суффиксальным методом, мотивирован глаголом *тушить* (в русском национальном языке тушить – «то же, что и варить на медленном огне в закрытой посуде в собственном соку», по данным Сл. Ожегова-Шведовой (2), стр.817-818). Полагаем, что перед нами случай метафорического словообразования; 2) глагол *Опоздниться* – «опоздать», образован префиксально-суффиксально-постфиксальным методом; 3) глагол *Попришить* – «пришить» мотивируется глаголом совершенного вида – «пришить», относится к префиксальному способу; 4) глагол *Посбираться* – «собирать что-л. некоторое время» образован префиксальным способом, мотивируется глаголом «сбираться».

Обширный класс «Материальный мир» состоит из следующих подклассов: 1) неорганический мир; 2) органический мир; 3) человек.

В подклассе «Неорганический мир» (всего 10 слов) нами были отмечены специфические семантические характеристики. Это явления:

1) синонимии. Например, *выкатываться* – *исходить* в значении «всходить»;

2) многозначности. Например, *померкать* 1) меркнуть, гаснуть; 2) смеркаться.

В словообразовательной системе данного класса наиболее развит префиксальный способ образования: *сморозить* – «заморозить», *осветать* – «рассветать».

Подкласс «Органический мир» (всего 17 слов) состоит из следующих лексико-семантических разрядов: 1) растительный мир; 2) животный мир.

В этой группе нами были отмечены специфические семантические характеристики. Это явления:

1) синонимии. Например, *вурунджаты* – *завурунджаты* в значении «жужжать»;

2) многозначности. Например, *жечь* 1) жалить; 2) бить, сечь.

В составе лексико-тематической подгруппы «Органический мир» находим мотивированные глаголы, словообразовательная специфика которых такова: 1) глагол **Окорениться** мотивируется существительным *корень*, относится к префиксально-суффиксально-постфиксальным глаголам; 2) глагол **Отелиться** относится к префиксальным глаголам, мотивируется глаголом несовершенного вида «телиться»; 3) глагол **Среветься** относится к префиксально-постфиксальным глаголам, мотивируется глаголом несовершенного вида – «реветь».

Подкласс «Человек» (всего 125 слов) состоит из следующих лексико-семантических групп: 1) человек как живое существо (всего 41 слово); 2) человек как разумное существо (всего 51 слово); 3) человек как общественное существо (всего 33 слова).

В этой группе нами были отмечены специфические семантические характеристики. Это явления:

1) синонимии. Например, *облюбить* – *сплобуть* в значении «полюбить»;

2) многозначности, основанной на метонимических связях. Например, *выстачать* 1) добывать; 2) доставлять; 3) снабжать;

3) возникновение диалектных значений на базе семантики общерусских слов путём метонимии. Например, *найти* 1) найти; 2) вспомнить, припомнить.

Словообразовательная специфика такова: преобладают префиксальный (глагол *Возрастить* – «растить детей») образован от глагола «растить») и суффиксальный (глагол **Хлеборобничать** «заниматься хлеборобством» образован от русского национального слова *хлебороб*) способы образования.

В данной подгруппе присутствуют фольклорные глаголы: *кохаться* – «жить в довольстве», *сплобуть* – «полюбить», *моливаться* – «молиться».

Таким образом, макрокласс Глагол представлен в говоре казаков - некрасовцев двумя классами: 1) «Абстрактные отношения и формы существования материи»; 2) «Материальный мир». Второй класс преобладает в количественном отношении более чем в три раза (соответственно 79 и 252 слова).

Литература

Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 2008.

Диалектная языковая личность

(на материале речи носителя сибирского старожильческого говора)

Дик Татьяна Леонидовна

Студентка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия

Постановка проблемы «язык и личность» имеет давнюю традицию в языкознании. Изучение современной диалектной языковой личности представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить как общие черты, характеризующие языковую личность (ЯЛ) как типичного представителя народной культуры, так и специфические, выделяющие его как носителя определённого типа говора.

В центре нашего внимания находятся фонетические, морфологические и лексические особенности ЯЛ – носителя сибирского старожильческого говора. Нами проводилась магнитофонная запись речи Екатерины Николаевны Васильевой (1925 г. р.) в 2008 (2 часа) и в 2010 (2 часа) годах. Е.Н. Васильева – коренная жительница села Черняево Тарского района Омской области, окончила начальную школу, в город не выезжала.

Анализ фонетических и морфологических особенностей речи Е.Н. Васильевой свидетельствует о том, что она является типичным представителем сибирского старожильческого говора. Система вокализма характеризуется шестифонемным составом: /o/, /a/, /y/, /e/, /и/, /ы/. Фонема /ѐ/ под ударением репрезентируются > [e]: [д'евач'ки], т. е. совпадает с рефлексами исконной /e/: [п'ес'инку]. В позиции между мягкими согласными /a/ > [e] в лексикализованных формах: [о^нет'].

Безударный вокализм после твёрдых согласных представлен полным оканьем, /o/ манифестируется > [o] во всех безударных слогах: [гов^ор'ил, помолож'ы]; /a/ в безударной позиции > [a]: [шыфан'ер, страшно^е]. Однако в начале слова отмечается чередование /o/ // /a/: [астал'ис', ав'е^ц]. Кроме того, встречается редукция начальной /o/ > [y]: [узур'цы], или [ы]: [ыгародым], что свидетельствует о действии общерусской тенденции к редукции безударных гласных. В вокализме после мягких согласных в речи Е. Н. отмечается тенденция к иканью: совпадение фонем /и/, /e/, /a/ > [и] в большинстве случаев: [т'ип'ер', д'ив'иноста]. Сохраняются случаи прежнего различения /e/ и /a/: [гл'ед'и, зат'ану].

Система согласных является типичной для старожильческих говоров Омского Прииртышья: характер /г/ взрывной: [морга^й, говор'ит], но возникают лексикализованные формы, где /г/ > [γ]: [Бо^γа, бо^γато, γоспад'и, а^γа]. Фонема /в/ губно-зубная: [канавоч'ка]. Единичный случай лексикализации /в/ > [w]: [wот]. В потоке речи отмечаются ассимилятивно-диссимилятивные процессы: [п'ир'ихр'ист'илас', н'ипр'ивышны], упрощение произношения в сочетаниях фонем: [жыс', јес']. Отметим сохранение исконно мягких шипящих перед передними гласными /и/, /e/, /ы/: [ж'ениш'ина, старуш'к'и]. Остатки былого неразличия аффрикат лексикализованы и представлены как результат ассимиляции [тс'а] > [ц'а]: [воз'иц'а], а также [кожыц'а].

Яркой чертой сибирских говоров являются стяжённые формы прилагательных и глаголов: [стукат, молода], местоимения с начальным [j]: [живон'ий, к-јej], местоимение [ч'о]. Отмечается смена акцентной парадигмы в некоторых словах: [с-п'ис'н'ам'и, дал'око].

Лексика, как самая подвижная часть языка, в исследуемом говоре подвергается, с одной стороны, влиянию просторечия и литературного языка, а с другой – сохраняет исконные, архаичные черты. Так, лексику нашей информантки можно разделить на две неравные части: большая часть – общая с лексикой литературного языка (*молодёж, состарились*), меньшую составляют собственно диалектные единицы (*вёдро, припяток, поскотино*) или диалектные варианты общенародных слов (*он'е, пошен'ица, цэрква*).

Важное место в традиционном лексиконе ЯЛ занимают такие тематические группы, как *части дома, двора (сени, горница, русска печка, припяток, контрамарка), домашние животные и рыбы (кошечка, матка, чиругайка, лецики), овощи и ягоды (картошка, ежевика), реалии сельского быта (колхоз, поярка 'телятница', свинарка, сено, вязаночка, поскотино 'огороженное пастбище', выгон, конюшить 'работать конюхом'), семья (внучок, баушка, дочка, тётка), религия, верования (поддодонить 'наколдовать плохое', поладить 'вылечить от сглаза', перекреститься, в т. ч. устойчивые выражения Господи Исуси, Бог с имя, старинна иконка, состарились к чертям)*.

Под влиянием литературной речи и в соответствии с законами диалектной фонетики происходит адаптация заимствованных слов: меняется их фонетический облик в результате ложной этимологизации (*порт-монета, чехославыны*). Степень освоенности заимствованных слов находит отражение в диалектных высказываниях с модальностью *неуверенности*: *эт'и/ как јух/ ч'ипсы што-л'и//; фыта... фытаграфију//*. Однако употребление давно заимствованных слов соответствует литературной норме.

Ценностные установки, нашедшие отражение в высказываниях информантки, свидетельствуют о сохранении в её сознании основ традиционной русской народной культуры, стержневой оппозицией которой является дихотомия *своё-чужое*,

репрезентирующаяся в форме противопоставлений *старость-молодость, жизнь-смерть: Фсе навырасл'и/ мал'ен'к'и-та был'и јез'д'ил'и ко-мн'е//; А вот я одна асталась/ с'е ум'ерл'и//; Молоды-ть был'и п'ел'и/ а ш'ас-та-уш ы-голос-та н'и-тот//; Фс'ю жыс' прожыл'и/ в-эт'ам крају рад'илас' и вырасла/ и састарилась//; Фс'о наше-дык кажыца хороша//*. Основное течение жизни и времени заключено в семантике глаголов, что характерно для русской речи в целом.

Таким образом, в речи данной ЯЛ обнаруживаем типичные черты сибирского говора с севернорусской диалектной основой с одной стороны, а с другой – в ней находит место общерусская тенденция к редукции безударных гласных, к отвердению шипящих, причины которой имеют не только собственно лингвистический характер, но и экстралингвистический: социальный статус, образование, влияние просторечия и литературного языка. Последнее находит яркое отражение и в лексиконе диалектоносителя. Тем не менее, в языковой картине мира Е.Н. Васильевой остаются актуальными такие элементы традиционной народной культуры, как антиномия *прошлое–настоящее*, реализующая через оппозиции *старость-молодость, жизнь-смерть*.

Колымские регионализмы конца 20-х годов XX века: особенности формирования

Кваша Юлия Александровна

Аспирантка Северо-Восточного государственного университета, Магадан, Россия

Анализ региональных особенностей русского языка все чаще становится предметом рассмотрения, подробно описаны фонетические, лексические, грамматические особенности языка XVIII-XIX вв., в значительно меньшей степени освещены региональные особенности русского языка советского периода. Отметим наличие значительного количества публикаций, посвященных проблемам региональной лингвистики Крайнего Северо-Востока (исследования В. Г. Тан-Богоразы, Г. В. Зотова, А. А. Соколянского, Н. Н. Соколянской, О. Е. Шепилевой и др.). В 2010 г. опубликован «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» В. Г. Зотова. Однако все еще недостаточно изученной является региональная лексика Крайнего Северо-Востока *советского* периода российской истории (в поле зрения попадали только отдельные лексемы).

Но важно выявить весь корпус региональной лексики, и в этом отношении период 20-70-х годов представляется настоящим «белым пятном». Для выявления такой региональной лексики мы обратились к документам Государственного архива Магаданской области (ГАМО). В частности, нами были рассмотрены документы, созданные в конце 20-х годов XX века (20 дел, общим объемом более 650 листов (архив Р-12, опись № 1)).

Вышеназванные документы посвящены деятельности сельсоветов с. Балаганное, Тауйск и других прибрежных поселений Ольского района Николаевского на/Амуре округа (сегодня это территория Ольского района Магаданской области), работе Ольского РИКа и тузРИКа (в документах приняты следующие написания: *Рик, РИК, Р.И.К., тузрик* и др.). Большая часть документов посвящена насущным вопросам, связанным с бытом и производственными отношениями жителей района (рыбодобыча, лесозаготовки, медобеспечение, строительство школ и хозяйственных построек, благоустройство селений, закупка товаров и т.д.). Рассмотренные нами документы представляют собой рукописные и машинописные материалы, а также единичные вырезки из газет или постановлений, напечатанных типографским способом.

Анализ материала позволяет выделить несколько основных источников, на основе которых формировалась региональная лексика колымского региона в конце 20-х годов XX века. Прежде всего, все обнаруженные нами регионализмы можно разделить на *советизмы* (под *советизмами* мы, вслед за В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, понимаем лексические единицы, отражавшие советские реалии [Мокиенко, Никитина:

5]) и лексемы, не связанные с реалиями советской эпохи как времени особой политической системы.

К группе советизмов мы относим ряд специфических наименований советских реалий, общих для районов Крайнего Севера, где было коренное нерусское население (*тузрик, предтузрика, родовые избирательные комиссии* и т.д.), а также названия некоторых организаций, которые существовали только на Дальнем Востоке (*Дальрыба*). Кроме того, в корпус советизмов мы включаем ряд региональных лексем, созданных по аналогии с имеющимися, варианты общесоюзных наименований: *оленный/безоленный* (как *лошадный/безлошадный*), *кочсовет* (как *сельсовет*), *дом туземца* (как *дом охотника и рыбака*); *телеграфпочтовое агентство* и др.

Тематически региональные советизмы представлены в основном названиями учреждений (*интегралотделение охот. товарищ., Охотсогоз* и др.) и наименованиями национальностей и групп населения (*камчадалы, тунгусы, тузраселение* и др.).

Региональная лексика второго типа состоит из лексем, заимствованных из языков коренных малочисленных народов Севера (топонимы *Дюхче/Духчи, Магадан, Тауй, Армань* и т.д.), а также регионализмов, пришедших из старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России (*хатоны, мотаузы, прядево, марик* и т.д.).

Тематически эта лексика связана с традиционными занятиями населения, например, рыбной ловлей (*мотаузы, прядево, марик, икрящик* и др.), с названиями продуктов питания и промтоваров (*пласт, колодка, кунтук, манчжурка* и др.).

Необходимо отметить, что на речь жителей региона, в частности, на официально-деловую ее разновидность, оказывало влияние несколько факторов: язык документов и публицистических текстов, доставлявшихся из центральных районов страны, речь окружающих носителей языка, а также фактор удаленности региона и его изолированности от других районов страны. Различные постановления, указания, периодика, почта доходили до региона с опозданием от нескольких месяцев до полугода. Это отразилось в вариативности наименования и орфографического оформления названий некоторых организаций (*РИК / рик / Р.И.К. / РИКа / рика; лесокультный фонд / лесокультурный фонд* и т.п.), т.к. в момент составления того или иного документа могло не быть возможности проверить правильность наименования.

Вариативность графического оформления в документах может быть объяснена и уровнем грамотности составителей документов, и отсутствием устойчивых региональных традиций документооборота (оседлое население в то время только формировалось), и, безусловно, тем, что значительное количество бытовых наименований использовалось преимущественно в устной речи, т.е. не было практики письменной, нормативной фиксации. К числу особенностей региональной лексики отнесем и продолжительное (до начала 30-х годов) сохранение ставших к тому времени архаическими наименований мер веса, длины и др. (*пуд, кулек, верста, аршин, сажень*).

Для создания полной и системной картины функционирования региональной лексики Крайнего Северо-Востока в XX веке необходима последовательная и продолжительная работа с региональными архивными материалами. В перспективе возможно составление словаря региональной лексики, тем более, что в других регионах России подобный опыт уже имеется (см., например, Ермакова О. П.) [Ермакова].

Литература

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
Ермакова О. П. Жизнь российского города в лексике 30-х-40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. Калуга, 2008.

Представления о преждевременной смерти в северной народной культуре

Коконова Анна Борисовна

Сотрудник Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Смерть в народной культуре понимается как естественное завершение жизненного цикла человека и является predetermined, «написанной на роду» и данной Богом. Прерывание жизни самим человеком рассматривается как нежелательное. «Умерший «до срока» опасен для живых своей неизрасходованной энергией, «зажившийся» опасен тем, что «заедает чужой век» [Байбурин 1993: 102]. Важно умереть *дóброй, хоро́шей сме́ртью: А как умер - дóброй ли сме́ртью, а то зати́ётся или повеси́тся. Хочю хоро́шей сме́ртью помереть.*, не насильственным путем, *не от страсти: Ходь бы умереть не от страсти, муки никакой не принимать.*, оставаясь в старости трудоспособным, *умереть со своих ног*, в здравом уме и твердой памяти.

Понятие «хорошая смерть» включает в себя как смерть «в свое время», по естественным причинам, так и смерть ритуально оформленную [Виноградова 2008: 48-49]. Умереть естественной смертью – значит *умереть на правом пути: Она́ на правом пути умерла.* [А что это значит?] *А зна́ют на том там пути.*

Лучшая смерть – это *лёгкая*, без мучений, потому что именно такая смерть осмысливается как кончина безгрешного человека: *Лёгкая сме́рть - засну́ла и не розбуди́ласе, сама́ не нама́ялась и никого́ не нама́яла.*

Быструю смерть называют *живой*: *Он умер живо́й сме́ртью.* Сочетание *помереть врасплох* описывает быструю, неожиданную смерть: *Ва́ся помер врасплох, по-бы́строму, то́ и да́ло в го́лову.*

«Смерть понимается как окончательное оформление доли индивида» [Байбурин 1993: 103], следовательно, человек, самостоятельно прервавший свою жизнь или умерший насильственной смертью, опасен для остальных членов сообщества тем, что может «требовать свою долю», «ходить» к живым, пока не «проживет» назначенный ему срок. Важность дифференциации «своей» и «не своей» смерти проявляется в следующих обозначениях самоубийства, которые могут подчеркивать:

1. Активность самого субъекта: *из своих рук сме́рть де́лать, от своих рук дева́ться, от себя сме́рть сде́лать, взять на себя руки, наложить на себя руки, от своих рук уйти, почать себе кончину, себе жизнь нару́шить, себе сме́рть де́лать, найти (иска́ть) себе сме́рть.* Среди этих выражений преобладают фраземы с опорным компонентом *рука*: *Из своих рук сме́рть неохота́ де́лать. На́до же, от своих рук дева́ця! В другой рас так находит – наложы́ть на себя́ руки – а грешно́. Сам на себя́ руки возы́мет. От своих рук ушо́л дак.*

2. Способ ухода из жизни: *уйти́, ле́зть, залезть в петлю, в петлю себя́ запеха́ть: Взя́л и ф петлю ушо́л, задави́лся. Сноха́ фсе грехи́ здавала ба́тюшке, а бес взя́л – ф петлю залезла. Ф петлю сам себя́ запеха́л, запеха́лсе.*

3. Отказ от естественной смерти или ее непредназначенность свыше: *свое́й сме́рти не приня́ть, не свое́й сме́ртью уйти́ (умереть): Свое́й сме́рти не приняла́, кислоты́-от хватнула. Не свое́й сме́ртью ушо́л, дак че́. Пришо́л, а он жы́ф не быва́л, на койке повеси́лся. Не свое́й сме́ртью умер.*

4. Описания неестественной смерти могут содержать в себе негативную оценку: *(умереть) нехоро́шим (худы́м) путе́м, помереть худо́й сме́ртью: И фторо́й погип нехоро́шым путе́м. Он там каки́м путе́м он помер, до́брым ли худы́м. И вот э́та фся семья́ худо́й сме́ртью поми́рают.*

Самоубийство в народной культуре считается страшным грехом, покончивший с собой человек *кладёт голову́ дьяволу́ в колéни, кла́няется в но́ги (колéни) сотоны́, уходи́т сотоны́ в колéни: Неохота́ свою́ го́лову кла́сть дьяволу́ ф колéни, на́до ка́к-нибудь до́жыва́ть. В но́ги сотоны́. Ту́т уши́ не хвали́ – ф сотоны́ колéни фсе кла́няющца*

(о самоубийцах). *И да́вяцца, и то́нут – это фсе́ сотоны́ ф колéни, от сво́их ру́к фсе́ поги́бнет. А ны́нче – бо́ле и́дет сотоны́ ф колéни. Сатана́-то си́льна, бе́с-от си́лен. На це́лове́ка засе́дет, так и прижы́ма.*

Умерших не своей смертью хоронили за оградой кладбища или отдельно от умерших «хорошей» смертью: *Ра́ньшэ по-за о́граде неки́ёных хорони́ли, хоть пресу́пник, а сме́рть получи́л неспе́циально - в о́граде схорони́ли. На дру́го́ кла́дбище хорони́ли, е́сли затуши́лся (повесился). [Почему?] На́до тако́й сме́рти дожда́цца.*

Таким покойникам не ставили креста: *Уто́пленника́м да удавленника́м не ста́вили креста́, тепе́рь ста́вят кресты́-ти, сме́рть-то нехоро́шая.*

Умерших не своей смертью нельзя было отпевать и хоронить по христианским обычаям: *У меня́ задави́лся фторо́й мужы́к, так я е́здила спра́шивала, мо́жно ли отпева́ть. Нежэ́лательно, удавленнико́ф не отпева́ют.*

Умершие до крещения дети тоже считались «нечистыми», опасными для живых [Байбурин 1983: 141]; при похоронах их выносили через окно, могли похоронить под порогом: *Хорони́ли в до́му (некрещеного младенца), на́до где-нибу́ть прида́ть земле́. Так вот ра́ньше е́сли родуи́чий (новорожденный) ро́бе́ночек умре́т (некрещеный), его́ на кла́дбище не пу́скали. Неки́ёной, хорони́ по-за о́граде.*

Таким образом, смерть в народной культуре является, с одной стороны, естественным продолжением жизни. Праведная жизнь коррелирует с "доброй" смертью, неправильная с точки зрения социума жизнь - со смертью "худой". В зависимости от типа смерти умерший включается или не включается в категорию "предков", т.е. уважаемых покойников, влияющих на жизнь социума и участвующих в календарной обрядности. Поэтому "не-своя" смерть маркирована в диалектах определенным кругом оценочной лексики и особой обрядовостью.

Литература

- Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983
Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993
Виноградова Л. Н. Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. Сб. статей. М., 2008. - с. 48-56
СД1 - Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Том 1.

Имя числительное в говоре казаков-некрасовцев: общенациональное и региональное

Кривенко Дарья Андреевна

Магистрант Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

Несмотря на то, что вопросы истории, культуры, быта казаков-некрасовцев, вопросы их эмиграции и реэмиграции пользовались устойчивым интересом у отечественных исследователей в течение XIX-XX вв., даже в начале XXI столетия некоторые аспекты изучения этой уникальной этноконфессиональной группы остались не полностью исследованными. В частности, это проблемы, касающиеся соотношения говора казаков-некрасовцев с русским языком: насколько далеко в своем развитии отошла языковая система говора от системы общенационального языка.

В рамках данного исследования нас интересует состояние имен числительных данного языка. Объектом изучения стали имена числительные, извлеченные методом сплошной выборки из текстов народных песен, Словаря говора казаков-некрасовцев О.К.Сердюковой [2005] и текстов, собранных студентами-филологами в период диалектологической практики.

Числительные являются необходимой частью словаря в любом языке, а время их появления в человеческой речи с трудом поддается определению. Неоднократные исследования, посвященные этимологии и типологии числительных, подтверждают,

что они существуют и существовали во всех известных языках настоящего и прошлого. Вероятно, числительные имеют такой же возраст, как и сама идея счета.

Данная, древнейшая по своему происхождению система слов с количественно-числовым и счетно-порядковым значениями традиционно функционирует в языке казаков–некрасовцев, не изменив в целом своей лексической семантики в сравнении с общенациональным. В говоре она претерпела лишь некоторые изменения фонетического характера, сохранив основной облик этих слов.

Необходимо отметить, что здесь, как и в русском языке, можно выделить три лексико-грамматических разряда числительных; самыми многочисленными являются количественные. Далее следуют порядковые и собирательные. Дробные числительные, а также наименования больших цифр (например: *миллион*, *миллиард* и т.п.) казаками практически не употребляются. Это объясняется особенностями картины мира и быта носителей данного языка: необходимость употребления их в речи возникает крайне редко.

Тот языковой факт, что изменения претерпел лишь звуковой облик этих слов, определяет для нас точку опоры в решении поставленной задачи: представляется возможным исследовать собранный материал с точки зрения фонетических процессов, происходящих в них.

1. Замена <э> на <и> в первом предударном слоге после мягкого согласного. Данный процесс характерен и для общенационального языка.

Двенадцать [двинацать], –и. *А налоҮи мы там платили двинацать рублей, веть у нас света то не было, а только кирасин.*

2. Замена <'а> на <и> в первом предударном и заударном слоге – процесс, характерный и для общенационального языка.

Пятнацать [питнацать], -и. *Ф питнацать меня просватали за ЯҮорку. Два Үода была просватанная.*

3. Наблюдается также и противоположный процесс – замена <и> на <'а> (явление, характерное для всех южных диалектов):

Тринацать [трянацать], -и. *Ну у нас засватывают по три Үода, ани у нас были присватыаны, а присватывали двинацатилетнюю, тринацати, пятнацати – вот такую сватали.*

4. Согласная фонема <р> в сочетании с гласными переднего ряда звучит твердо:

Трицать [трыцать], –и. *И жиняхи надевали по трицать по сорок рубашек-то.*

5. Ассимиляция в области согласных как полное или частичное сближение взаимодействующих звуков – достаточно частое явление в звуковом облике числительных говора. Аналогичные виды ассимиляции наблюдаются и в общенациональном языке.

Например, ассимиляция по глухости: [вт] - [фт].

Второй [фтарой], -ая, -ое. *В шисят фтаром году собирал Казбек орду. Он собрал своих абреков, да ведет, ведет под нас.*

Ассимиляция по мягкости: [тв] - [т'в].

Четверо [четьвира], -ых. *Жыли нивески и четьвира и пятира вмистя и ни дялили.*

6. Часто встречается фузия как полное уподобление, слияние согласных звуков: [дц] - [цц], [ст'] - [сс]. Аналогичное явление можно пронаблюдать и в общенациональной беглой речи.

Двацать [дваццать] -и, -ью. *Я эта седьмоҮа пайду на занятия, дваццать седьмоҮо, а дваццать васьмоҮо – Успение, вот ни пришлось, ни пришлось.*

Шестьсот [шессот]. *Шессот – симсот метрват нас эта была.*

7. Отверждение мягких согласных в конце слова:

Семь [сем], -и, -ю. *Арба* – сем звёздах, а то – Пятроф крест.

8. Сильная редукция согласного как сокращение долготы фонемы: [стд'] – [с'].

Шестьдесят [шисят], -и, -ю. *Я в шеснацатом Юду замуш выходила, ф шисят шистом сыночка родила, и усё. Вот такая жизнь!*

Таким образом, как уже было сказано ранее, система числительных в говоре казаков-некрасовцев претерпела лишь некоторые изменения фонетического характера, сохранив основной облик этих слов. Т.е. система имен числительных, как и местоимений данного языка, в целом не отошла от общенациональной нормы, особенно, если ее рассматривать на остальных языковых уровнях – словообразовательном, лексическом, морфологическом.

Литература

Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

Семантика свойства человека в свете языковой мотивации (на материале русских говоров Бирского района Республики Башкортостан)

Миронова Диана Михайловна

Аспирант Башкирского государственного университета, Уфа, Россия

Интерес к проблемам языковой мотивации высвечивается в научной мысли с античных времён. Одним из аспектов рассмотрения мотивационных отношений в современной ономазиологии признаётся когнитивный аспект, обусловленный способностью мотивации быть источником реконструкции результатов познавательного членения действительности. Исследование лексической системы диалекта в данном аспекте представляется, несомненно, актуальным. Отсутствие кодифицированной нормы, речемыслительная антропоцентричность, придающие диалектам большую открытость для реализации в них национальной индивидуальности мировоззрения, а также значительная по сравнению с КЛЯ детализация концептуальных участков при установке на мотивированность номинаций [Нефедова: 2008] придают диалектной мотивации высокую ценность в плане изучения народного мировидения по языковым данным. При этом в силу полисистемности диалектной формы НЯ правомерность установления мотивационных связей её элементов повышается с увеличением компактности изучаемого ареала. Определённую привлекательность в таких исследованиях имеет обращение к лексическим фактам, воплощающим фундаментальные категории человеческого мышления в их локальной языковой окраске, которая «...достигается различными комбинациями мотивировочных признаков и способов номинации, мотивационных основ и т.д.» [Блинова: 100]. Понятийной категории свойства, широко представленной в окружающем мире, приписывается универсальный статус уже в 4 в. до н.э. Одной из наиболее значимых сфер повседневной жизни, где особенно ярко проявляется когнитивная весомость свойства, является мир человеческой жизнедеятельности в её физиологических, психических и социальных сторонах. По данным СРГБ, извлечённым методом сплошной выборки, в лексической системе говоров сравнительно компактного бирского ареала выделяется большое количество видовых обозначений человеческих свойств или же лиц по присущим им свойствам. Значительную долю таких лексических единиц составляют производные адъективы и субстантивы. Как свидетельствуют результаты словообразовательного и компонентного анализов семантики интересующих нас наименований, в роли ведущего мотивационного признака выступает акциональный (деятельностный), связывающий то или иное свойство человека с особенностями его деятельности в ономазиологическом аспекте характеристики: номинируемые свойства/лица по свойствам означиваются через онтологически присущее им, характерное действие. Значимость деятельностного подхода для номинирующих также демонстрируется привлечением различных

способов номинации, обеспечивающих конкретное языковое выражение зафиксированного акционального параметра. Так, среди рассматриваемых названий наличествуют слова, производство которых осуществляется с участием механизмов как межсловной (словообразовательной), так и внутрисловной (семантической) деривации. В первом случае мотивационный компонент значения «высвечивается» основой глагола-мотиватора, что отражает формулировка словообразовательного значения: лицо по характерному действию: «ругательник», «забытуха» и др.; признак по характерному действию: «пригласливый», «думчивый» и др. В составе наименования свойства данный компонент получает формальную и полную/частичную семантическую экспликацию. Подобного рода мотиваторы актуализируют социально значимые действия человека, совершаемые по отношению к окружающим людям/самому себе (интерактивные, физиологические, интеллектуальные, хозяйственно-бытовые), либо именуют способности человека к той или иной деятельности. Этот акциональный параметр лежит в основе внутренней формы соответствующих дериватов. Его интерпретация как постоянной характеристики, согласно нашим наблюдениям, достигается использованием специальных формантов либо наличием имплицитной ономазиологической связки. В случае же внутрисловной деривации мотивирующий акциональный параметр нередко извлекается из таких денотативных сфер, которые, участвуя в повседневном практическом опыте сельских жителей, антропоцентрически осмысливаются «сквозь призму» деятельностных характеристик самого человека: «кислый» - '1. Особое кислое молоко; 2. Перен. О... недейтельном, нерешительном человеке' [СРГБ: 150]. Семантическая мотивация в области наименований человеческих свойств может сочетаться со словообразовательной, если деривация происходит внутри исходного производного слова [Араева: 207]. Как свидетельствует исследуемый материал, в этом случае ЛСВ со значением свойства демонстрирует одновременную связь как с мотивирующим его ЛСВ, так и с общим для них формальным мотиватором: «обиход» → «обиходный» - 1. Относящийся к наведению порядка. 3. Хозяйственный, заботящийся о порядке.

Результаты проведённого исследования позволяют вести речь о непреложной значимости деятельностной составляющей жизни диалектоносителей в концептуализации человеческих свойств. Одна из причин этого заключается в самой онтологии свойства, связанной с его проявлением именно в процессе взаимодействия реальных объектов, в числе которых находится и человек. Другая причина вытекает из культурно-исторических реалий носителей диалекта, т.н. факторов ландшафта и культуры социума [Шафиков: 17], детерминирующих видение человека прежде всего как субъекта некоторой деятельности. В общей перспективе полученные результаты могут использоваться в процессе структурирования полевой организации семантической сферы человеческих свойств.

Литература

Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1971. С. 92–104.

Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство / Под ред. Л.А. Араевой и др. М., 2011.

Нефедова Е.А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук по спец. 10.02.01 «Русский язык»: <http://vak.ed.gov.ru/common/>

[СРГБ] - Словарь русских говоров Башкирии: А-Я / Под ред. З.П. Здобновой. Уфа, 2008.

Языковая культура семейских Забайкальского края

Налабордина Галина Владимировна

Студентка Читинского государственного университета, Чита, Россия

В современное время в связи с развитием антропологической парадигмы, знаниями в области гуманитарных наук, привлекательным становится проблематика антропологической лингвистики, лингвокультурологии, что в свою очередь позволяет исследовать человека как языковую личность, владеющую разными формами существования национального языка. Наибольший интерес в этом аспекте представляет та языковая личность, которая является носителем уникальной языковой культуры, находящейся на стадии её исчезновения. Данная мотивация позволила обратить внимание на удивительный уголок Забайкальского края – Красночикийский район, где с XIX столетия проживает этнокультурная группа семейские.

Семейские или старообрядцы (реже их называют староверами) – часть христиан Русской Православной Церкви, не принявшая в XVII веке церковные реформы патриарха Никона и отделившаяся от официальной Православной церкви. Сторонники этого религиозного общественного направления на протяжении нескольких столетий были подвергнуты жестоким преследованиям и гонениям.

Самоназвание «семейские» появилось в Забайкалье, так как насильственное переселение, в отличие от других ссылок старообрядцев на окраину Российской империи, за Байкал, в период с 1735 по 1764 годы, осуществлялось семьями.

Сейчас активно ведутся исследования, посвященные изучению культуры семейских. Читинский государственный университет на протяжении нескольких лет организует этнографические экспедиции, в центре изучения выступают материальная культура, религиозные особенности, традиционная деятельность, фольклор семейских Красночикийского района. Между тем, языковая культура, их говор как уникальный объект всё ещё остаётся вне поля зрения исследователей.

Как показывают результаты социологического опроса, проведённого в период прохождения автором полевой этнографической практики 2006-2009 гг., представителями данной субкультуры себя считают только люди пожилого возраста, молодёжь себя с этой субкультурой не соотносит. Таким образом, и носителей уникального говора, как свидетельствует статистика, с каждым годом становится все меньше и меньше.

На сегодняшний день отслеживание и фиксация самобытных лексем является весьма актуальным. Собранная лексикографическая картотека позволяет утверждать об уникальности говора семейских Красночикийского района.

Очень интересна по своей семантике оценочная лексика: «*беспрОкий*» (неодобрит.) – непутёвый (*БеспрОкий у их паринь, столь годов и всё-то нижанатый*); «*бОльшекромный*» (осудит.) – жадный к наживе, скупой (*Большекромный у маёй систриницы мужик: всё хапайть и хапайть*); «*большерОтый*» (неодобрит.) – любящий распоряжаться (*Вот да чо Ваську я етого не взлюбила, большеротый ён*), «*вожсеватый*» (одобрит.) – умеющий нянчить детей (*Адали вожсеватый мой паринь буить, столь племяшей отнянчил*).

Как правило, многие самобытные лексемы семейских утрачиваются вместе с предметом или явлением, которое они обозначают. Например, «*водянка*» – водяная мельница, «*галтельник*» – специальный столярный инструмент для вырезания желобков по дереву, «*арба*» – заплечный берестяной короб для сбора и переноса ягод, грибов, «*барилки*» – две небольшие простёганные подушечки, соединённые между собой, для прихватывания горячей посуды, «*бастрик*» – жердь, при помощи которой притягивают сено или снопы на возу.

Анализ современного говора семейских показал, что общеупотребительными являются также лексемы бурятского происхождения, зачастую это названия домашних

животных: «бурун» - годовалый телёнок (*Бурушок-то ладный, мяса дивна буит*), «иман» - домашний козёл (*А иман-то у их бадучий был*).

Многие лексемы, зафиксированные на территории Красночикоийского района Забайкальского края, не нашли отражения в имеющихся на сегодняшний день лексикографических источниках, посвященных языку семейских. Например, «душник» - небольшое окошечко, выходящее на улицу в традиционном семейском доме (*Доча, закрой душник, а то стужа буит*), «едьба» - еда (*Маленько ни укусная едьба вышла*), «жарось» - жара (*Учера печу накочегарила – всю ночь жарось стояла*).

Не смотря на заимствования и влияние современного литературного языка, говор семейских Красночикоийского района Забайкальского края является поистине уникальным объектом исследования, так как в языке сохранились исконные слова, исконные устойчивые сочетания.

Описание особенностей говора семейских Красночикоийского района Забайкальского края, позволяет взглянуть на этот феномен с точки зрения регионального своеобразия, следовательно, детальное отслеживание и фиксация самобытных лексем позволяет сохранить и донести до наших потомков уникальную языковую культуру семейских, как одну из удивительных явлений минувших столетий.

Литература

Юмсунова Т.Б. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.

Концепт «Мода» в псковских говорах

Новиков Вячеслав Геннадьевич

*Студент Псковского государственного педагогического университета
им. С.М.Кирова, Псков, Россия*

Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания. Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу [Попова, Стернин, 2005: 7].

Основное направление нашего исследования – исследование соотношения семантики языка с концептосферой диалектоносителей, соотношения семантических процессов с когнитивными.

Анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих исследуемые концепты. Концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Признак концепта – это общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления [Пименова, 2005: 16].

Концепт как сложный комплекс признаков имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения выступает лексический уровень. Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить набор групп признаков, которые формируют структуру того или иного концепта. Такие группы состоят из более или менее распространённой совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации, поэтому основной задачей нашего исследования на данный момент является описание лексического уровня концепта «Мода».

Выделение в концептосфере диалектоносителем концепта «Мода» должно быть обосновано в силу кажущейся на первый взгляд чуждости самого понятия моды духовной культуре русского народа. Однако более детальное обращение к данному концепту доказывает, что концепт «Мода», если и не относится к ключевым в

концептосфере диалектоносителей, то занимает важное место в ней, пересекаясь или накладываясь на такие концепты, как «Красота», «Одежда» и т.д.

Материалом для рассмотрения выбран концепт «Мода», так как именно в представлениях о моде в наиболее выкристаллизованном виде содержится информация об этнических, культурных, языковых процессах, но, что самое главное, в них отражается «живая старина» языкового творчества.

Нужно отметить, что в псковских говорах в большей степени, чем в литературном языке, в семантической структуре слов с корнем *-мод-* наблюдается сохранение такой архисемы, как «мера, правило, образ, способ жизни».

Одной из особенностей диалектной концептосферы является то, что лексика, относящаяся к концепту «Мода», может употребляться в лексико-семантических группах других концептов. Например, наречие *модно* имеет отношение к нескольким лексико-семантическим группам (далее ЛСГ) («Мода», «Посуда», «Дом», «Обычай» и др.). ЛСГ являются пересекающимися классами, так как не может быть такого разбиения на ЛСГ, при котором одна лексема входила бы только в одну ЛСГ. Как отмечает Ю.Д. Апресян: «Из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Апресян, 1995: 252].

При исследовании концепта «Мода» в диалектной псковской речи в сопоставлении с литературным языком выявляется ряд отличий в представлении о моде. Система значений слова *мода* в псковских говорах оказывается богаче по сравнению с системой значений этого же слова в литературном языке. Это можно объяснить особенностями менталитета сельского жителя, сверяющего происходящее вокруг и с ним с привычным укладом жизни, опытом предков, традиционной культурой. Причем, само слово *мода* в этих значениях теряет значимый для литературного языка смысловой компонент 'новое, то, к чему нужно стремиться, чему нужно следовать', а, наоборот, содержит компонент 'устоявшееся, сложившееся, то, что уже принято человеком как норма, закреплённая в традиции или законодательно'. Слова, обозначающие лиц, которые следуют моде (например, *модник, модница, моднёха*) в говорах приобретают дополнительную коннотацию 'разборчивый, придирчивый, капризный', что не свойственно литературным словам и соответствует часто негативному восприятию таких людей носителями диалектов. В таких словах, как *модно* и *модный*, появляется добавочная коннотация 'современный', что отражает основные черты быстротечного и современного явления моды. В употреблении слова *модно* мы встречаем толкование 'не так, как в деревне, манерно', что является важным с точки зрения восприятия сельскими жителями своего и чужого, новые тенденции в чем-либо воспринимаются носителями говоров как городское явление, чуждое привычному сельскому укладу жизни.

Лексические единицы, относящиеся к концепту «Мода», должны исследоваться в динамике и рассматриваться не только как элементы системы русского языка и результаты когнитивно-номинативного процесса, но и как компоненты лингвокультуры.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т.2. М., 1995.

Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1. Волгоград, 2005. С. 16.

Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1. Волгоград, 2005. С. 7.

Представление о доме в диалектной картине мира донских казаков

Попова Наталья Сергеевна

Стажер-исследователь, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия

Диалекты, являющиеся средством общения многочисленных территориально ограниченных групп носителей русского языка, сохраняются до настоящего времени и представляют живую развивающуюся и функционирующую систему.

В данном исследовании предлагается рассмотреть лексический материал донских говоров по теме «Жилище донских казаков». Основной базой фактического материала послужили «Большой толковый словарь донского казачества», «Словарь донских говоров Волгоградской области» и полевые материалы, собранные участниками диалектологических и этнолингвистических экспедиций факультета филологии и журналистики в 1986–2010 гг.

Мы избрали тематическое (денотативное) описание материала, которое, с нашей точки зрения, учитывает прежде всего естественное онтологическое расчленение предметов, признаков, свойств, действий и пр., отраженное в структуре языка. Именно рассмотрение лексики в тематическом аспекте позволяет установить связь между словами и обозначаемыми ими реалиями, иначе – выяснить объем семантического значения слова.

Воспользовавшись «Большим толковым словарем донского казачества», мы выявили 756 лексических единиц (ЛЕ), включая устойчивые выражения (УВ), и распределили по семи тематическим группам (ТГ): а) лексика, используемая при строительстве дома; б) наименования жилища донских казаков; в) названия основных частей казачьего дома; г) наименования помещений и приспособлений, примыкающих к жилой части дома; д) лексика по внутренней планировке жилого дома; е) наименования мебели и предметов интерьера; ж) наименования мифологических персонажей, обитающих в доме.

В первую ТГ вошло 155 ЛЕ и 11 УВ: а) названия строительных материалов (*саман, горб* и т.д.); б) наименования видов отделки по дому (*оклинцевать, подчес* и т.д.); в) наименования крыши и ее составных частей (*гребешок, князек* и т.д.); г) обрядовая лексика при строительстве дома (*хуторские помощи; строить на чью-л. голову* и т.д.) Проанализировав лексику первой группы, можно прийти к выводу, что обрядовая лексика практически не сохранилась, осталась лишь ее малая часть, остальные лексемы либо вовсе были вытеснены, либо остались в описательных конструкциях.

Во вторую ТГ наименований жилищ донских казаков вошло 75 ЛЕ: 1. Общее название жилого дома (*курень, хата* и т.д.); 2. Наименование жилища в зависимости от следующих признаков: а) размер дома (*домяка, лазунья*, и т.д.); б) материальное состояние хозяев дома (*халупень, вавилон* и т.д.); в) основной строительный материал дома (*столбянка, землянка* и т.д.); 3. Типы домов в зависимости от планировки: а) одно-/двухкамерные (*двойчатка, двойничок* и т.д.); б) многокамерные (*связь, протяжной дом* и т.д.); в) с усложненной планировкой (*пятистенки, семистенки* и т.д.); 4. Типы домов в зависимости от формы (*круглый дом, протяжная хата*).

Третью ТГ (238 ЛЕ) составили наименования основных частей казачьего дома: а) названия этажей дома (*верхи, низы* и т.д.); б) стороны дома по отношению к улице (*глухая, стено* и т.д.); в) потолок, пол в жилище (*истобок, мосты* и т.д.); г) окна, их составные части (*болонка, затворка* и т.д.); д) двери, их составные части (*засол, нагонка* и т.д.); е) печь, ее составные части (*вендерка, груба* и т.д.); ж) резные украшения на доме (*вензеля, выделка* и т.д.).

Четвертая ТГ (88 ЛЕ) включает в себя наименования помещений и приспособлений, примыкающих к жилой части дома: а) площадь над домом, чердак и его составные части (*горщице, истобок* и т.д.); б) площадь под домом, подвал и его

составные части (*апшеник, выход* и т.д.); в) крыльцо и его составные части (*анбончик, всходы* и т.д.); г) балкон и его устройство (*зонтик, иранда* и т. д.); д) помещения для хозяйственных нужд (*клеть, чулан* и т.д.).

К пятой ТГ (87 ЛЕ) относятся наименования внутренней планировки жилого дома: а) наименование комнат в доме (*беседница, вхожая* и т.д.); б) наименование составных частей жилого помещения (*божинка, покуть* и т.д.).

К шестой ТГ (96 ЛЕ) мы отнесли наименование мебели и предметов интерьера: а) мебель в жилом помещении (*колыбалка, конторка* и т.д.); б) тканевые украшения (*затылина, нашторка* и т.д.); в) ковры, половики (*застилка, половник* и т.д.).

В седьмую ТГ (6 ЛЕ) отнесены наименования мифологических персонажей, охраняющих жилое пространство: *домовик, хозяин, домовилиха*.

Данная классификация позволяет подробно охарактеризовать жилище донских казаков: его основные особенности в строительстве, планировке, интерьере, строительные материалы и инструменты, а также дает представление носителей данного диалекта о жилом пространстве в целом.

Все лексемы, вошедшие в 7 ТГ, мы сравнили с соответствующими наименованиями, встречающимися в русских говорах и зафиксированными в «Словаре русских народных говоров». Нами было выделено три группы: 1) общедиалектная лексика – 31 %, (*изба, столбянка* и др.). 2) южновеликорусская лексика – 18% (*груба, истобок* и др.). 3) собственно донская лексика – 51%, (*болонка, закоморка* и др.).

Наличие большого количества собственных слов (наряду с общедиалектной и южнорусской) говорит о высоком этнографическом статусе жилища в культуре донских казаков: жилые постройки имеют собственные конструктивные особенности, как следствие, собственные слова для их обозначения. Кроме того, такая ситуация вполне ожидаема для субэтнических культур, базирующихся на материнской культуре (в данном случае русской), но имеющих ряд оригинальных черт в силу особых социально-исторических, климатических, культурных и т.п. условий.

Христианское богослужение в зеркале лексики русских народных говоров

Синица Наталья Александровна

Студентка Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта
14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП*

*«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
(тема «Современная русская деревня
в социо- и этнолингвистическом освещении»).*

В ситуации богослужения выделяются следующие компоненты: акциональная составляющая (ритуальные действия, которыми сопровождается церковная служба), вербальная составляющая (церковные песнопения и их части), атрибуты богослужения, исполнители церковных обрядов. В докладе рассматриваются факты русской диалектной лексики и просторечия – семантические дериваты и фразеологизмы на базе слов, обозначающих виды христианского богослужения, а также его акциональную и вербальную составляющие. Семантико-мотивационный анализ этих фактов позволяет выявить комплекс народных представлений о христианской религии.

В церковной традиции представлен обширный ряд обозначений различных видов богослужений (*литургия, всенощная, вечерня, повечерие* и др.), но в процессы семантической деривации в русских говорах вовлекаются только лексемы *обедня, панихида, заутреня*. Дериваты и фразеологизмы показывают, что в народном сознании церковная служба воспринимается как одна из отправных точек отсчета времени: арх. *сѡлнышко на обѣдне* ‘время высшего положения солнца над горизонтом в 12 часов дня’, новг. *меж обѣдней и заўтреней* ‘об очень коротком промежутке времени’, калуж. *обѣдню служить* ‘начать ссориться с раннего утра’. Кроме того, на базе названий богослужений возникает мотив значимого, важного дела: карел. (рус.) *закрывать*

обѣдню ‘завершать дело’, разг. *испóртить обѣдню* ‘причинять неприятности кому-либо’, ворон. *панафѣду испáкостить* ‘испортить дело’. В восприятии панихиды выделяется мотив тоски, скуки: разг. *панихѣдно* ‘уныло, тоскливо’, простореч. *завесті́ панихѣду* ‘петь грустные песни’, ‘вести утомительный разговор’.

Акциональная составляющая богослужения представлена лексемами: *катавасия*, *куролесить*, *кадить*, *молебен*. Во время церковной службы значительное количество людей оказывается сосредоточенным на небольшой части пространства, из-за чего в языке возникает мотив толпы: *сбрóдный молебен* сиб. ‘толпа, сборище’, влг. ‘сомнительная компания’. Как следствие этого столпотворения, с одной стороны, и как результат восприятия действий хора и священнослужителя во время церковной службы, с другой, возникает идея беспорядка и неразберихи: простореч. *катав́асия* ‘беспорядок, возня’, *куролѣсица* ‘неразбериха’. Свое развитие эта идея получает в группе мотивов, отражающих нарушение общепринятой нормы поведения: сиб., иркутск., курск., пенз., сарат. *куролѣсить* ‘непристойно вести себя, безобразничать’, сиб. *куралѣсы* ‘недопустимые поступки’, сиб. *раздѣлывать кадѣло* ‘вести себя неподобающим образом’. Частными проявлениями идеи нарушения нормы становятся мотивы шалости, баловства (пск., твер. *катав́асия* ‘дурачество, шалости’, пск., твер. *куралѣсить* ‘шалить’, перм. *кадѣло* ‘о человеке, склонном к озорству’), драки, побоев (влг. *катав́асию завесті́* ‘учинить ссору, драку’), пьянства (влг. *катав́аситься* ‘выпивать с кем-либо’, влад. *куролѣсить* ‘пьянствовать’). Из идеи нарушения норм поведения развиваются мотивы, связанные с отклонением от этических норм в речевой сфере, – лжи, сплетен (самар. *куралѣсить* ‘лгать’, пск. *раздѣть кадѣло* ‘сплетничать’, новг. *навесті́ катав́асию* ‘насплетничать’) и лести (разг. *кадѣть* ‘лстить’).

В семантике дериватов глагола *кадить* отражаются мотив дыма (*кадѣть* краснояр., свердл. ‘дымить’, курск. ‘курить; дымить при курении’) и мотив интенсивности какого-либо действия (прост. *раздув́ать кадѣло* ‘развивать бурную деятельность’, нижегор. *кадѣть* ‘угощая, очень часто наливать вина’).

К вербальной составляющей христианского богослужения относятся обозначения жанров церковной речи (*акафист*, *кондак*, *молитва*) и словесные формулы, встречающиеся в церковных текстах (*аллилуйя*, *аминь*, *анафема*). В ходе семантического развития этой лексики наблюдается утрата сакрального компонента, разрыв с церковной сферой: разг. *петь аллилуйю* ‘превозносить выше всякой меры’, пск. *мо́лѣть* ‘просить, умолять’.

При восприятии церковной речи важной становится манера ее произнесения: песенность, протяжность (новосиб. *разводѣть молебен* ‘говорить плавно, протяжно’), длительность и многословность (новосиб. *разводѣть молебен* ‘долго и нудно говорить’). Такая манера произнесения обусловила появление мотивов нравоучения и брани (пск. *ака́фист (молебен с ака́фистом) чита́ть* ‘поучать, отчитывать кого-либо’, пск. *петь аллилуйю* ‘ругать кого-либо’). Содержание богослужебных текстов, как правило, малопонятно, что приводит восприятию церковной речи как бессмысленной: свердл. *молебен служи́ть* ‘пустословить’. Логическим продолжением идеи бессмысленности становится мотив отсутствия содержания, пустоты: влг. *с ами́нем уйтѣ́* ‘уйти ни с чем, получить отказ’, яросл., новг. перм., костром *пирóг с ами́нем (с мо́лѣтвой)* ‘пирог без начинки’ (здесь играет роль также ассоциация *аминя* с постом – временем усиленных молитв и постной, пустой еды). Представления о малосодержательности и многословности церковной речи послужили основой для развития мотивов сплетен (курс. *понѣсть аллилуйю* ‘разболтать, насплетничать’) и чепухи (влг. *аллилуйя* ‘чепуха, ерунда’).

Народные словесные формулы, куда входят элементы церковной речи, характеризуются выраженной эмотивностью: влг. *ами́нь будь* ‘слава богу’, влг. *ами́нь возьми́* ‘черт возьми’. В семантических дериватах может выражаться также

абстрактный признак чрезмерности: разг. *анáфемски* ‘слишком, чрезмерно’, арх. *амíн* ‘очень’, *аллилу́йный* ‘преувеличенно хвалебный’.

Значимой становится позиция, которую занимает формула или песнопение в тексте всего богослужения. Для лексемы *амíнь* важной становится позиция конца (пск. *амíнить* ‘кончать дело’, ряз. *амíнок* ‘конец’, смол. *амíн* ‘гибель’), а для слова *кондак* – неначальная позиция этого песнопения (разг. *с кондачка́* ‘не подумав, наскоком’).

Опыт интерпретации символического значения слова в диалектном словаре лингвокультурологического типа

Тараканова Дарья Александровна

Аспирант Томского государственного университета, Томск, Россия

Изучение природы «символического» представляет интерес для научной мысли на протяжении долгого времени. Желание систематизировать символы и преодолеть их многозначность привело к попыткам сделать данные единицы достоянием словаря, о чем свидетельствует не только российская, но и зарубежная практика.

В области лексикографического описания культурного пространства в отечественной лингвистике первые попытки были предприняты в рамках лингвострановедения. Продолжением этой линии могут считаться лингвокультурологические и этнолингвистические словари.

Словарь, представлению которого посвящена данная статья, репрезентирует диалектную лексику в лингвокультурологическом аспекте. В качестве единицы описания представлено диалектное слово, обладающее культурной коннотацией, содержащее в своем значении символический компонент и названное слово-символ. Для «чистоты» исследования выбрана одна область народной культуры – семейный обряд, обладающий максимальной степенью символизации. Таким образом, в область исследования попадает лексика, являющаяся единицей обрядового текста, имеющего разные формы выражения (П.А. Алпатова, А.К. Байбурин, В.И. Поповичева, О.А. Седакова, Н.И. Толстой и др.), одной из которых является вербальная.

В качестве толкования значения слова используется лингвокультурологический комментарий, который позволяет вычленить культурную информацию, стоящую за каждой диалектной лексической единицей. Собранный материал дает возможность составить диалектный словарь символов народной культуры, включающий лексику русских старожильческих говоров Среднего Приобья, рассмотренную через призму семейного обряда.

В качестве источников использованы: 1) рукописные: картотека «Вершининского словаря», материалы диалектологических экспедиций филологического факультета Томского государственного университета (1946-2000 гг.), материалы фольклорных экспедиций филологического факультета Томского государственного университета (1946-2000 гг.), которые хранятся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии и на кафедре общего литературоведения филологического факультета Томского государственного университета; 2) опубликованные: «Вершининский словарь» (1998-2002), «Полный словарь сибирского говора» (1992-1995), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1964-1967).

Компоненты словарной статьи:

1. Заглавное слово

Заглавное слово отражает имя культурного знака. К культурным знакам относим название реалий и действий: в словаре это существительные, глаголы, в той форме, в которой они встретились в источнике, то есть в речи диалектоносителей. Заглавное слово представлено исходной формой, дается в орфографической записи. Например: ЗЕРКАЛО, ПЛАКАТЬ.

2. Толкование значения диалектной лексики, выполненное по схеме:

1) Обозначение символического значения, свернутого до одного слова, называющего функцию реалии в обряде. Например: ШАЛЬ оберег, где оберег – это функция шали в обряде.

2) Указание на распространители, уточняющие символическое значение единицы. Можно выделить акциональные, признаковые и распространители образа действия. Интерпретация признаков денотата, на основе которых сформировалось символическое значение. Например: КОЛЬЦО согласие субъектов с осуществляемым действием. Употребляется с *обменяться, отдать*, что эксплицирует значение согласия молодых на брак. *Сперва высватают ... кольцо отдали друг дружке* [Том. Пар.].

Формирование символического значения связано с семьей, указывающей на форму предмета: предмет, имеющий форму круга. По мысли А. К. Байбурина, круг является одной из основных форм структурирования пространства, аналогом жизни и ассоциируется с женским началом [Байбурин: 75].

3. Система помет

1) М - При заглавном слове используется помета М - «многозначный символ». Например, ПЛАТОК М оберег / переход / согласие. Платок функционирует в разных эпизодах свадебного обряда и в зависимости от распространителей меняет свое символическое значение.

2) Указание на наличие у слова-символа дублетных форм, абсолютно синонимичных по функции и значению в обряде. В словарной статье данные единицы приводятся в скобках. Например: ПЛАТОК М оберег / переход / согласие: а) оберег от влияния потусторонних сил (одеяло, шаль, полог, полотенце, полотно, покрывало, простыня, рушник, полотенце, материал, товар).

Итак, культурный компонент диалектного слова, позволяет использовать данные единицы как обширную базу для лексикографического описания. Словарь, единицами описания в котором являются слова-символы, может считаться отражением модели мира народной культуры, явленной в символе. Большое количество словарей, энциклопедий, в которых собраны символы, символические знаки и эмблемы, не дают четкого определения символа и имеют спорные моменты в вопросе выбора символических единиц. В нашем словаре выбрана одна область народной культуры – семейный обряд, обладающий максимальной степенью символизации, что позволяет выделить и описать «чистые» символы. Структура словарной статьи позволяет решить основную задачу словаря - вычленив культурную информацию, стоящую за каждой лексической единицей, являющейся репрезентантом народной культуры.

Литература

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Структурно-семантическая характеристика наречий в говоре казаков - некрасовцев

Уварова Елена Самвеловна

Студентка Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

В нашем исследовании мы рассмотрели структурно-семантические особенности наречий в говоре казаков-некрасовцев. В Словаре казаков-некрасовцев [Сердюкова] нами было выявлено 124 наречия. Из них к собственно-характеризующим относится 65 наречий, а к обстоятельственным – 59. Таким образом, как и в русском литературном языке, в говоре казаков-некрасовцев собственно-характеризующих наречий больше, чем обстоятельственных.

К собственно-характеризующим наречиям относятся следующие разряды :

1) наречия образа действия, 49 единиц. Например, *книзу пузи* – ничком, *бисиками* – босиком, *внапырный* – вслед, *наумек* – наугад, *наобум*;

2) наречия степени (количественные), 9 единиц. Например, *вольно* – вдоволь, *двожды* – фолькл., дважды, *двоишки* – вдвоём;

3) сравнительно-уподобительные наречия. 7 единиц. Например, *по-бабичу* – по-бабьи, *по-второму* – иначе, по-иному, *по-старински* – по-старинному, *по-турски* – по-турецки.

К обстоятельственным наречиям относятся следующие разряды :

1) наречия времени, 33 единицы. Например, *вечер* – вечером, *наподдальки* – немного позднее, после, *пота* – до тех пор, *спредвеков* – издавна, исстари;

2) наречия места, 21 единица. Например, *близочко* – ласк. к близко. *домонь* – домой, *нанизу* – внизу, *спереда* – спереди;

3) наречия совместности, 5 единиц. Например, *в кучу* – вместе, *между* – в знач. «между собой», *вместя*, *вместях* – вместе.

Наречий причины и цели в говоре казаков-некрасовцев не обнаружено.

Необходимо отметить специфические семантические характеристики лексико-семантических разрядов наречий. Это явления:

1) синонимии. Например, *врыски* в значении «быстро, бегом» – *тупочка* в значении «бегом» (квазисинонимы), *нарочком* – *снарочит*, *снарочито* в значении «нарочно, в шутку» (полные синонимы);

2) антонимии. Например, *врыски* в значении «быстро, бегом» – *помалечку* в значении «потихоньку, небыстро», *вечер* в значении «вечером» – *наутре*, *наутрево* в значении «наутро, утром», *посверх*, *посверху* в значении «сверху» – *споду* в значении «снизу»

3) многозначности, основанной на переносе на основе синекдохи и ассоциативных связях. Например, *заедино*, *заедин* 1. Вместе рядом. 2. Вместе, одновременно, *наниз* 1. Вниз. 2. Больше (при обозначении меры веса, времени, например лет), *снарочит*, *снарочито* 1. Нарочно, намеренно. 2. Нарочно, в шутку, то же, что нарочком.

Словообразовательная специфика мотивированных имен такова:

1) мотивирующая база: субстантивная, глагольная, адвербиальная, адъективная;

2) наиболее развиты суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы. Например, Adj + формант –о: *вольно*–« вдоволь» (*от вольный*), Adv + формант –ку, –ко: *близочко*–« ласк. к близко»(*от близко*) , *вдлиньку* –« в длину» (*от в длину*) (суффиксальный способ), формант по - + Adj + формант –ому /-ему: *по-второму* –« иначе, по-иному» ; *по- здесему*–«по-здешнему». формант на - + S + формант –у *нанизу* – « внизу» (*от низ*) (префиксально-суффиксальный способ);

3) префиксация охватывает меньшее количество территориально-ограниченных единиц. Например, формант не- + Adv с отрицательным значением : *неможно*–«невозможно» (*от можно*), формант за - + Adv *завсегда*– « всегда» (*от всегда*).

Важно отметить, что некоторые словообразовательные модели наречий в говоре казаков-некрасовцев отсутствуют в русском национальном языке. Например, уникальный формант на - + Adj: *напрямые* – «напрямик» (*от прямые*), уникальный формант за - + Adj + уникальный формант –як: *за дурняк* – «ни за что, даром» (*от дурной*), V + уникальный формант –(е)жку: *в раздежку* – «раздетый, не укрытый» (*от раздеть*), S + уникальный формант –яка: *бродяка* – «вброд» (*от брод*), Adv + уникальный формант –ника: *вбродника* – «вброд» (*от вброд*).

Таким образом, можно сделать вывод, что в составе наречий говора казаков-некрасовцев можно обнаружить и специфичные (свойственные только этому говору), и общезыковые (типичные для носителей литературного языка) особенности как на лексико-семантическом, так и словообразовательном уровне.

Литература

Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

**Номинации магических деятелей в народной речи Среднего Прииртышья:
об отражении взаимовлияния язычества и христианства**

Хасанова Елена Дамировна

Студентка Омского государственного университета имени Ф.М.Достоевского, Омск,
Россия

Характерной чертой русской ментальности является дуализм веры, порождённый многолетним противостоянием язычества и христианства, однако эта конфронтация «идёт по линии чисто обрядовых совпадений и только они несовместимы друг с другом» [Колесов: 17]. Наше исследование посвящено всестороннему анализу лексико-семантической группы *магические деятели* в говорах Среднего Прииртышья, где совмещены элементы обоих верований.

В литературном языке понятие *магия* носит обобщённый характер, говоры же сохранили первоначальную древнеславянскую систему, когда множество наименований магического не были синонимичными, а соответствовали разным функциям колдовского искусства.

Компонентный анализ позволяет нам выделить дифференциальные признаки группы «магические деятели»: 1) происхождение – сверхъестественная/ человеческая природа (*ведьма/ знахарь*), причём сверхъестественность – характерная черта язычества, христианство же пыталось всё перенести на человека; 2) средство осуществления магического действия – тайная сила (*чаровник*), слово/ звук (*волхитка, шептун*), зрение (*живозорка*), знание (*ведьма*). Дифференциальный признак является и мотивационной базой номинации, выявленной с помощью этимологического анализа. Исследователи отмечают, что в подобных случаях наблюдается этимологическая рефлексия [Коновалова: 291]. 3) Достоверность – вера/ неверие (*волхитка / бабка*). Вторичные значения, основанные на коннотации ‘случайность’, указывают на ослабление веры в магию: *ворожейка* ‘обманщик’, ‘флюгер’ [СРНГ: 5, 109]. 4) Результат деятельности – добро/ зло (*шептун/ чаровник*). Христианство однозначно трактует магию как зло, *происки дьявола*, говоры свидетельствуют о пользе колдовства. 5) Отношение – боязнь/ доверие/ безразличие (*ведьма /знахарка/ бабка*).

Поскольку все лексемы данной группы обозначают *род занятий*, важным оказывается противопоставление по гендерному признаку: некоторые номинации имеют как *мужскую*, так и *женскую* параллели (*ворожей* – *ворожейка*, *колдун* – *колдовка*, *колдуница*), другие только *женскую* (*бабка*, *ведьма*). Не имеет параллели женского рода лишь заимствованная из европейских языков лексема *маг*, которая характеризуется низкой частотностью употребления. Кроме того, в говорах Среднего Прииртышья *женские* номинации более частотны, а некоторые лексемы, имеющие параллели обоих родов в литературном языке, не имеют их в диалекте (*знахарка*). В случаях с однокоренными словами (*шептун* – *шептунья*) *женские* наименования чаще связаны со злом, *мужские* – с добром. Мы видим рефлексии древнего сознания, в котором женская природа воспринималась как враждебная человеку, внушающая страх. С другой стороны, *женским* номинациям чаще сопутствуют коннотации ‘недоверие’, ‘неправда’, над ними смеются (*Бабка колдунья, ха-ха*. [СРГ Ср. Прииртышья 1992, 1: 40]).

По результатам контекстного анализа круг категориальных признаков группы можно расширить: ‘превращение’, ‘зооморфность’ (*Раньше колдовки в свиньи превращались* [СРГ Ср. Прииртышья 1998: 45]); ‘связь с мёртвыми’ (*Чё-эта мёртвый придёт?/кто эта урю выдумал?/эта йес’ть какий-та калдуны там-или што как шычас-жы вон часта пиридают*. Марьяновский р-н, 2005); ‘выдумка’ (*Там ну-эта фсе старьи были таии выдумки/ какии-та калдуны там были*. Нижнеомский р-н, 2002); ‘связь со свадьбой’ (*Свадьбы ууляля/ а-тут калдун поди-адин был*. Нижнеомский р-н, 2002); ‘соперничество’ (*И-тот калдун хотел патти шшутить/ над-нашым тойес’ть*,

причём оне знают друг друшку. Большереченский р-н, 1996); ‘действие взглядом’ (*А-тут калдун поди-адин был/ такой выйти на-дароуу// и-если ни-нашли стакан вотки вот цяс только улянит// на-каней кони астановяца и-ни-с-места*. Нижнеомский р-н, 2002); ‘иерархичность’ (*А-он мильн'ка моя вышэйе фсех калдун*. Большереченский р-н, 1996); ‘защита’ (*Вот йиво водили фсё на-свад'бу/ штоб никто ничё ни-зделал*. Большереченский р-н, 1996); ‘доброта’, ‘шутка’ (*Но-зла он ни-делал а-шутку любил*. Большереченский р-н, 1996), ‘профессия’ (*Он прамышляйит калдафством*. Нижнеомский р-н, 2002). Многие из вышеназванных признаков оказываются актуальными и для христианской обрядности. В.В.Колесов указывает на родственность обрядов гадания на воде и Крещения [Колесов: 94]. В исследованных быличках рассказывается о действии колдунов в церкви, иногда они становятся заступниками христианской веры. Информанты повествуют о наказании за непослушное поведение приезжей свадьбы при венчании: *Приехали ф-цэркоф/ так-уи пускай sibя видут* (Большереченский р-н, 1996). Христианское мироощущение отразилось в наименованиях *живозорка* и *маг*: *живозорка* лечит молитвами, а *маг* связан с христианским дьяволом. Можно провести параллели между образами магических деятелей и христианских пророков: и те и другие выступают посредниками между богом и людьми, они включены в особую иерархию, имеют божественные черты, обладают тайным знанием, действуют с помощью слова, зрения, выполняют функции защиты и возмездия.

Мы увидели, что в народном сознании две системы верования – христианство и язычество – не только не конфликтуют, но и тесно взаимосвязаны. Подробно разработанная диалектная система номинаций сохранила древнейшие элементы народных верований, но трансформировалась под влиянием христианства, приобретая нравственно-этическую оценку.

Литература

- Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб., 2001.
Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург, 2007.
[СРГ Ср. Прииртышья 1992] – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья/ Под ред. Г.А.Садретдиновой. Ч. 1, 2. Томск, 1992.
[СРГ Ср. Прииртышья 1998] – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья/ Под ред. Г.А.Садретдиновой. Дополнения. Вып. 1. Омск, 1998.
[СРНГ] – Словарь русских народных говоров. / Под ред. Сороколетова. Вып. 5. Л., 1978.